

ствующей организации судебно-медицинской экспертизы в принципе невозможно, либо самому иметь достаточные представления о методике производства экспертизы и методах, применяемых при этом. Получить такие представления путем чтения специальной судебно-медицинской литературы, пестрящей медицинскими терминами, насыщенной данными о биологических, биохимических, химических, физических и других факторах воздействия на организм, практически невозможно.

В судебно-медицинской литературе утверждается, что при отсутствии сложности в оценке относимости и допустимости экспертного заключения оценка его достоверности затрудняется вследствие того, что субъект, назначивший экспертизу, как правило, некомпетентен в соответствующей научной области и может оценить лишь логическую обоснованность, непротиворечивость экспертизы, соответствие выводов эксперта поставленным вопросам и их определенность. В результате экспертное заключение становится неким абсолютизированным доказательством, принципиально не проверяемым и имеющим, вопреки ч. 2 ст. 95 УПК, заранее установленную силу. Еще более эта проблема обостряется при производстве экспертиз по делам, по которым назначение экспертизы обязательно, т. е. по делам об убийствах, по которым непосредственная причина смерти потерпевшего устанавливается только экспертным путем, по делам о применении мер медицинского принудительного характера, по большинству дел, в которых без определения степени тяжести телесных повреждений правовая оценка деяния вообще невозможна, и по многим другим.

В своей книге «Искусство речи на суде», впервые изданной в 1910 г., известный российский юрист начала XX в. П.С. Пороховщиков так характеризовал экспертов: «Эксперты бывают: а) сведущие и добросовестные; б) добросовестные и несведущие; в) сведущие и недобросовестные; г) недобросовестные и несведущие. К недобросовестным экспертам я отношу не только бесчестных, которых почти не видал в суде, но бескорыстно пристрастных, а также легкомысленных, которых видал множество, к несведущим – не только невежд, но и людей умеренных познаний, которых также встречаю на каждом шагу». Далее в своей работе он сформулировал первое и главное правило работы юриста с экспертным заключением в условиях состязательного уголовного судопроизводства: «Если в процессе есть эксперт со стороны противника и экспертиза имеет значение, оратор должен выставить эксперта не менее сведущего и решительного со своей стороны. Не сделать этого – легкомыслие непростительное. Пока эксперт один, он неуязвим, хотя бы говорил вздор. Дайте ему противника – речи оракула превращаются в самолюбивый спор».

К сожалению, характеристики судебных экспертов, данные П.С. Пороховщиковым более ста лет тому назад, не выглядят неуместными и в наши дни. К счастью для современных судебных экспертов, многие юристы забыли эти характеристики.

В Российской Федерации вопросы принципа состязательности все чаще поднимаются как юристами, так и самими судебно-медицинскими экспертами, о чем свидетельствуют множественные публикации (В.В. Альшевский (2004); М.Ш. Ишмуратов, П.В. Пинчук (2005); Ю.А. Карнаевич (2005) и др.). Предложения по решению этого вопроса сводятся в основном к созданию альтернативной экспертной системы в виде предоставления платных консультаций, организации платных негосударственных экспертных учреждений и др.

Однако, на наш взгляд, есть иной путь – более полное использование процессуальных резервов для оптимизации судебно-медицинских экспертиз. И одним из главных критериев такой оптимизации является достаточный объем исходной информации для решения поставленных перед экспертом задач, предоставляемой лицом, выносящим постановление на производство экспертизы. И чем большими познаниями в области судебной медицины и судебно-медицинской экспертной деятельности обладает это лицо, тем продуктивнее и эффективнее будут плоды работы следователя и эксперта.

Таким образом, сотрудники правоохранительных органов, а именно те, которые являются участниками уголовного процесса, обязаны обладать этими познаниями в такой степени, чтобы быть активными участниками экспертно-следственных действий, направленных прежде всего на скорейшее раскрытие преступлений против здоровья и жизни граждан.

УДК 343.98

В.Д. Никишин

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА РЕЧЕВЫХ СЛЕДОВ КРИМИНОГЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ¹

Для обозначения криминогенных речевых действий, которые образуют объективную сторону правонарушений (преступлений), в литературе используется термин «речевое правонарушение» – юридический

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00190 «Концептуализация противодействия информационным угрозам в интернет-среде с использованием специальных лингвистических знаний».

факт, виновное противоправное речевое деяние (действие или бездействие) людей, достигших установленного законом возраста и обладающих относительной свободой воли (т. е. действие, возникшее в результате целенаправленной речемыслеительной деятельности и выраженное вовне), причинившее вред другим субъектам права [1, с. 197].

Правовая квалификация речевых действий, совершенных в сети Интернет, требует привлечения комплекса специальных юридико-лингвистических знаний для исследования речевых следов криминальной интернет-коммуникации в трех аспектах:

с точки зрения правовых категорий, в которые они вовлечены как *corpus delicti* (состав преступления);

с точки зрения знаковой природы (как результат языковой и коммуникативной деятельности);

как источник криминалистически значимой информации (обладающей диагностическими или идентификационно значимыми свойствами, сопряженными с противоправным деянием) [2, с. 134].

Третий аспект, предполагающий установление лингвистических фактов, имеющих юридическое значение, в рамках судебного экспертного исследования, обуславливает возникновение специфических задач, которые решаются путем комплексирования специальных межотраслевых правовых знаний со специальными лингвистическими в рамках формирования речеведческих компетенций.

Стоит отметить, что в современном судебном речеведении теория конфликтогенных и криминальных речевых действий (актов) наиболее глубоко разработана именно применительно к диффамационным и экстремистским речевым действиям [1; 3, с. 99–123; 4–6].

Под диффамационными речевыми действиями в судебном речеведении понимаются не только речевые действия, образующие объективную сторону гражданско-правового деликта, предусмотренного ст. 152 ГК РФ (распространение не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство, деловую репутацию граждан и деловую репутацию юридических лиц), но и речевые действия, составляющие объективную сторону оскорбления как административного правонарушения (ст. 5.61 КоАП РФ), а также объективную сторону ряда преступлений: клевета (ст. 128.1 УК РФ); клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения РФ (ст. 298.1 УК РФ); неуважение к суду (ст. 297 УК РФ); распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах РФ, связанных с защитой Отечества, а равно оскорбление

символов воинской славы РФ, совершенные публично (ч. 3 ст. 354.1 УК РФ); оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ); оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК РФ).

Экстремистские речевые действия, совершаемые в цифровой среде, могут образовывать составы как административных правонарушений, так и преступлений: публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ); публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РФ (ст. 280.1 УК РФ); публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих (ч. 1 ст. 148 УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 20.3.1 КоАП РФ, ст. 282 УК РФ); содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ); организация экстремистского сообщества и его деятельности (ст. 282.1, 282.2 УК РФ) и др.

Классификация речевых действий в рамках судебного речеведения необходима для разработки методического обеспечения конкретных видов судебной лингвистической экспертизы (экспертизы экстремистско-террористического, диффамационного, порнографического, рекламного, наркотического дискурса и пр.). Подчеркнем, что данная классификация основывается на криминалистической сущности соответствующих речевых действий, зависящей от их коммуникативной природы, в связи с чем возможны различные юридико-лингвистические подходы к трактовке правонарушений, совершаемых посредством речевых актов.

Например, оскорбление чувств верующих, т. е. публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих (ст. 148 УК РФ), напротив, в судебном речеведении рассматриваются не как частный случай оскорбления в качестве акта диффамации, а как экстремистское речевое действие.

Привлечение специальных лингвистических знаний часто требуется также при расследовании дел, связанных с реализацией речевого акта угрозы: угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ).

Сохраняется востребованность судебной лингвистической экспертизы в обеспечении противодействия популяризации суицидального

поведения (в том числе деятельности так называемых групп смерти) (склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ)), организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ); а также противодействия пропаганде наркотических, психотропных веществ или их прекурсоров (ст. 6.13 КоАП РФ).

1. Макашова В.В. Речевое действие как правонарушение. М., 2014.
2. Галяшина Е.И., Никишин В.Д. Судебная лингвистическая экспертиза материалов экстремистско-террористической направленности: квалификация и компетенции судебного эксперта-речевода // Актуал. проблемы рос. права. 2018. № 4. С. 134.
3. Галяшина Е.И. Судебное речеведение : учебник. М., 2020.
4. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011.
5. Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // Теория и практика судеб. экспертизы. 2016. № 1. С. 92–98.
6. Никишин В.Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика / под ред. Е.И. Галяшиной. М., 2019.

УДК 343.98

Г.А. Павловец, Е.Л. Лужинская

ОШИБКИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ КАК ФАКТОР, СНИЖАЮЩИЙ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДОКАЗЫВАНИЯ

Анализ практики назначения экспертиз за период с 2013 по 2020 г. свидетельствует о том, что следователи, лица, производящие дознание, и судьи часто испытывают трудности в формулировании подлежащих разрешению вопросов при назначении экспертного исследования того или иного вида, в частности при назначении портретной экспертизы, тогда как эффективность, успешность и оперативность проведения экспертиз напрямую зависят от качества предоставляемых эксперту материалов, в том числе от правильного формулирования вопросов, поставленных на разрешение. Именно ошибки, допускаемые органом, ведущим уголовный процесс, на этапе назначения экспертизы влекут невозможность формулирования выводов в категорической форме, приводят к заявлению экспертами ходатайств, являются причиной увеличения сроков проведения экспертиз и не позволяют реализовать все возмож-

ности экспертных исследований. Это усложняет процесс доказывания при расследовании преступлений, качество которого во многом зависит от качества проводимых следственных действий, в данном случае осуществляемых при назначении экспертизы.

В связи с этим считаем целесообразным назвать основные вопросы, решаемые при проведении портретной экспертизы, а также обратить внимание на ошибки, допускаемые инициаторами при ее назначении.

Так, основными вопросами, решаемыми при проведении портретной экспертизы, являются следующие:

«Пригодно ли для идентификации личности изображение человека, зафиксированного на фотоснимке (видеозаписи)?»;

«Одно или разные лица запечатлены на предоставленных изображениях (видеозаписях, видеозаписи и фотоснимке)?».

Данные вопросы имеют множество вариаций, таких как:

«Не изображено ли на предоставленных изображениях (указываются индивидуализирующие признаки изображений) одно и то же лицо?» либо, как альтернатива, «Одно или разные лица запечатлены на предоставленных изображениях?»;

«Нет ли среди лиц, изображенных на групповом фотоснимке, лица, изображение которого предоставлено?»;

«Не изображено ли на видеозаписи лицо, изображение которого предоставляется для сравнения?»;

«Не запечатлено ли на изображении неопознанного трупа то же самое лицо, что и на изображении, предоставленном для сравнения?».

К дополнительным диагностическим вопросам, решаемым при проведении портретной экспертизы (ставятся для выяснения каких-либо дополнительных обстоятельств), относятся следующие:

«Каковы пол, антропологический тип, примерный возраст человека на предоставленном изображении?»;

«В одном или разных возрастах зафиксирован человек на предоставленных изображениях, и если в разных, то на каком изображении запечатлен человек в более раннем возрасте, какова возрастная группа запечатленного на изображении лица?»;

«Имеются ли какие-либо особенности функциональных признаков человека, запечатленного на видеозаписи?».

Типичной ошибкой при назначении портретной экспертизы является постановка вопросов правового, юридического характера, решение которых не входит в компетенцию эксперта и решать которые должен инициатор назначения экспертизы. Например, перед экспертом нередко ставится вопрос: «Не изображен ли на фотоснимке Сергеев А.А.?», или